

Все знают, что такое пазлы. Собираание пазлов представляет собой довольно увлекательное и совсем не пустое занятие. Например, педагоги давно отметили, что можно привлечь внимание ребенка к шедеврам изобразительного искусства, предложив ему собрать из пазлов «Монну Лизу» Леонардо или «Весну» Боттичелли. Одна из особенностей пазла — бессмысленность его одиночного существования. Пазлы существуют как явление только во множественном числе. Даже два или три пазла — это еще не пазлы, поскольку из них нельзя сложить картинку полностью. Саша Суворов был таким одиноким пазлом. Он никак не мог приклеиться и пристроиться к другому человеку — его нестандартные неровности были слишком очевидны. Какой-то фантастический ребенок выкинул все цветные пазлы, посеял их в песочнице, и только один пазлик — маленький, мокрый и несчастный, остался в его картонной коробочке. А еще Сашу можно сравнить с замком, ключ от которого потерян. Но слишком сложна и причудлива скважина, чтобы подобрать к ней ключ.

Эта неповторимость и штучность — родовой признак Саши Суворова. Мне могут возразить — а какой поэт не индивидуален? Если ты не обладаешь, говоря словами Баратынского, «лица необщим выраженьем», тогда, наверное, и писать не стоит. Это верно, конечно. Но в данном случае речь идет не столько об индивидуальности стиля писателя, сколько об индивидуальном *стиле жизни*, о том самом *modus vivendi*, про который в свое время Бюффон сказал: «Стиль — это человек».

Настоящее время, не столько даже жестокое, сколько лживое, подготовило почву для того явления, которое известно в буржуазном мире как «*doubles tandard*». Я не случайно написал это словосочетание по-английски, хотя любой школьник способен его моментально перевести. Парадокс, но «двойной стандарт» это уже не совсем «*doubles tandard*», хотя перевод словосочетания абсолютно точный. Вот такие загадки иногда вытворяет язык! Двойной стандарт просочился в постсоветскую действительность, как кислотный дождь в родной бурый песчаник. Советские деревья засохли, а поэты, вяло перемещающиеся исключительно в московском метро в пределах кольцевой линии, продолжают петь о русских просторах и чудесной жизни у бабушки в деревне.

Некоторые активные члены коммунистической партии России, кричащие о социальном равенстве, сами подчас являются финансовыми олигархами. Все знают, как велика преступность внутри правоохранительных органов Российской Федерации, тех самых органов, которые должны как раз с этой преступностью бороться. Саша Суворов полностью был лишен того, что мы понимаем под «*doubles tandard*». Жить и

писать для него представляла собой единое целое. Можно ли сочинять романы о бомжах и бродягах и при этом жить в трехэтажном коттедже в какой-нибудь Барвихе или на Рублевке? «Конечно, можно!» — скажет 99% обитателей земного шара. А вот Саша так сказать бы не смог. Меньше всего на свете я хочу поставить Александра на некий гранитный пьедестал и написать на нем что-нибудь помпезное. Ничего подобного. Я вовсе не считаю своего покойного однокурсника выдающимся поэтом или философом, хотя он оставил после себя замечательные поэтические строки и яркие, нестандартные мысли. Уникальность Суворова заключается в его удивительной органичности, в полном отсутствии и намека на «double standard», не позерского презрения к суете и славе, не того показного унижения, которое, как известно, «паче гордости», а того природного, животного естества, которое заставляет траву расти, лягушку прыгать, птицу летать и петя, а кошку мяукать. Не случайно в одном из стихотворений он пишет о себе:

*Остановите время — я устал
От мельтешенья и жуужанья речи.
Я сам себя навеки испытал —
Мне птичья песнь дороже человечьей.*

«Птичья песнь дороже человечьей». Это органическое презрение к социальности, о котором мог только мечтать сановитый Державин, всю жизнь расшаркивающийся перед вельможами («В сердечной простоте беседовать о Боге // И истину царям с улыбкой говорить») было сутью поэта Суворова. Если повернуть Сашу Суворова на сто восемьдесят градусов, то получится... Евгений Евтушенко. Замечательный, талантливый и на 100% социальный поэт. Кого-кого, а уж Евтушенко-то вне общества вообще представить нельзя. Уберите социум, и Евтушенко лопнет, как мыльный пузырь. Попробуйте представить себе Евгения Александровича, ночующего где-нибудь под забором, или в подъезде, или возле труб горячего водоснабжения. Вряд ли у вас это получится. Во всяком случае, у меня не выходит. А Суворов частенько проводил ночь именно так.

Гнусная зависимость от Золотого Тельца — еще одна черта нашего времени. «Нашего ли? — возразит мне начитанный и думающий читатель. — А как же гетевский Мефистофель с его знаменитым «Люди гибнут за металл»? А Пушкин со «Скупым рыцарем»? А Достоевский с «Подростком»? А Джек Лондон, впервые в истории человечества показавший *трагедию писателя* в мире капитала? И все же я позволю себе такое спорное утверждение — никогда еще человек не падал так низко, никогда не терял так свое человеческое достоинство из-за денег, как в двадцать первом веке.

Вот пример совсем недавний. Шестого января сего (2017!) года в венском аэропорту пятидесятилетний, хорошо одетый и солидный мужчина обнаружил, что в зоне таможенного контроля потерял часы. Он, как безумный, бегал между рядами стульев, грязно ругался матом, не зная на присутствие женщин и детей, сообщая случайным попутчикам, ожидающим вылета в Москву, что часы стоят две тысячи евро, и чуть ли не посыпал лысеющую главу с аккуратным пробором метафорическим воображаемым пеплом. Импозантный и состоятельный мужчина, перешедший черту среднего возраста, вел себя, как истеричная содержанка после ссоры с любовником. Интересно, что пострадали ему и сочувствовали... именно женщины! Те самые, которые всегда мечтают о «каменных стенах», ищут на интернетных просторах своих «уверенных в себе и состоявшихся в жизни». Это парадокс. А когда плохо говорящая по-русски служащая аэропорта, сбегав на зону таможенного контроля, вернула ему часы и с недоумением отказалась от предложенных им за услугу денег, русский буржуа полностью растерялся. Отказалась от денег? Почему?! Как можно отказаться от денег?! Он, как филин, хлопал

тяжелыми веками под очками в дорожной оправе и ничегошеньки понять не мог горошиной своего мозга.

У Саши Суворова было свое отношение к деньгам. Он умудрялся их не видеть вообще. Но потеря человеком облика человеческого сильно угнетала его, и ему, как существу достаточно тонко чувствующему, было больно осознавать это. Не случайно в своем рассказе «Человек без паспорта» он пишет: *«Проморгали мы свое благоденствие, незаметно опустили на четвереньки и стали вонючим и потным стадом. И погнались за деньгой. Голодными стали и послушными. А голодный пес всем руки лижет».*

2

В сентябре 1992 года в середине обшарпанной комнаты известной общаги на улице Руставели стоял неопределенного возраста лысоватый мужчина. В руке его была черная резиновая тапочка — сланец. Он пытался прибить этой тапочкой бежавшего по стене рыжего таракана. Человек этот был удивительно неловок. Таракан — не муха, он не умеет летать. И все же уничтожить несчастное насекомое этот мужчина не смог. Посмотрев на меня, он протянул руку и представился: «Александр». Сделав в уме нехитрые арифметические действия, с полной уверенностью заявляю — Александру Суворову на этот момент было всего лишь 27 лет. Возраст очень молодой, почти мальчишеский. Но вот парадокс — Саша и ту пору молодым не казался! Уже тогда он был каким-то очень взрослым, не столько зрелым, сколько побитым жизнью, и печальное отсутствие волос (да и зубов!) не делало его привлекательным внешне. «Не судите по наружности, но судите судом праведным».

Саша почти не участвовал в общажных ночных тусовках, непременно сочетаемых с перманентным чтением текстов, брэнчанием на гитарах и (что греха таить!) распитием спиртных напитков. В ту пору в общаге были свои кумиры — толстый увалень Андрей Ширияев, проникновенный лирик с вокальными и музыкальными способностями, очень неплохо (что редко бывает среди поэтов!) владевший гитарой, очень яркий как поэт свердловский паренек Арсений Конецкий, стихотворец сильного кавказского темперамента Андроник Назаретян. Это были публичные люди, так же как и вышеупомянутый Евтушенко, не мыслимые без социума. Судьбы первых двух сложились трагично. Андрей Ширияев в октябре 2013 года покончил с собой в Эквадоре (застрелился в ванне). Надо же! И в свой последний момент человек подумал о других людях, облегчив им хлопоты, связанные с кремацией. Его прах, согласно завещанию, развеяли над Эквадором. Конецкий ушел из жизни совсем недавно, в мае прошлого года. О Назаретяне не знаю ничего. Видел его только в самодетальном фильме, посвященном памяти Ширияева. Ни в одном толстом журнале я не встречал его фамилии. Совершенно равнодушный к выпивке, никогда не чувствовавший эйфории от спиртных напитков, я был скорее свидетелем, чем участником этих тусовок. Да и во время сессий жить предпочитал не в общаге, а у московских родственников.

Однажды, в день очередного экзамена, я разговорился с Сашей на традиционную для студента Литинститута тему — о текущей литературной ситуации. В ту пору представлявшийся мне глубоким провинциалом простой, малообщительный, какой-то неотесанный парень-мужичок оказался не только глубоко знающим литературу, но имеющим на все свое, незатертое и незаемное мнение. Он не только прекрасно знал русскую поэзию, он и ощущал себя в ней, как дома:

*За мною Есенин и Пушкин,
К чему мне теперь побрякушки.
Я чувствую солнечный свет,
Рубцов будет зван на обед.*

Говорил он самими что ни на есть простыми и даже немного неуклюжими словами. Кстати, и в стихах его всегда чувствовалась какая-то неуклюжесть, неотесанность, и чем неотесаннее подчас казались строчки, чем больше хотелось их подточить и разгладить на воображаемом токарном станке, тем ярче представлялись они как нечто первородное, а не книжное, не филологическое. Учившийся в семинаре Юрия Кузнецова и находящийся в ту пору под влиянием скорей яркой личности Юрия Поликарповича, чем его поэтической манеры, я почему-то связал поэтический облик Саши, весь тот, как сказал бы ученый, *ментальный паттерн* Саши Суворова с известными кузнецовскими строчками: «Молчите, Тряпкин и Рубцов, / Поэты русской резервации...»

Суворов, несомненно, относился к поэтам русской резервации. Отсюда его враждебное отношение к средствам масс-медиа, попавшим в руки тех людей, которых мы сейчас очень условно называем «либералами». Я всегда употребляю это слово в кавычках, потому что нынешние «либералы» (а я уверен, что читатель прекрасно понимает, о ком я говорю!) не имеют ничего общего с веселым словом «свобода», родившемся еще на стогнах древнего Рима. Кстати, само слово «либерал» я от Суворова никогда не слышал. И понятно — Саша жил вне политической струи, поскольку полностью находился в русле струи витальной — жизненной, природной. Насильственное и бесцеремонное вторжение тупого буржуазного быдла в нашу жизнь, не скажу *русского* (дабы не обижать людей других национальностей!), но хотя бы *российского* человека, возмущало Александра Суворова до глубины души. Не случайно он пишет в одном из своих рассказов: *«Хотите знать современное обличье чёрта? Это телеведущий. Будь на то воля генерального мирового диктора, меня бы силком усадили за экран и сказали: «Расслабься и считай слонов. Один слон, два слона, три слона, четыре... И так далее. А в остальном будь паинькой и слушайся тётю с микрофоном».* И тогда, перед экзаменом, сидя на потрепанном, с вылезавшим из прорвавшейся кожаной обивки желтым поролоном стуле в здании заочного отделения, в коридоре на первом этаже возле аудитории № 32, где проходил экзамен (увы, не помню, по какому предмету), Саша говорил, что ненавидит рекламу, «макдональдсы», надписи, сделанные *латинским шрифтом*.

Добрая и удивительно располагающая к себе ленинградка Алла Муштай, учащаяся в семинаре Евгения Рейна, равно как и некоторые другие студенты, называла Сашу и его друга Юрия Смирнова словом «славяне», имея в виду, по-видимому, антибуржуазные взгляды Саши, неправильно понятые ею как «русофильские». Мне кажется, что ни о какой «русофилии» в ее исконном значении в данном случае говорить было нельзя, хотя тема родины, России в стихах Суворова одна из ключевых. Противостояния России «гнилому и разлагающемуся Западу» — этой вечной песенки наших псевдопатриотов у Саши вовсе не было, а то, что публиковался он в таких оппозиционных режиму изданиях как «Москва», «Наш современник», «День литературы», «Литературная Россия» свидетельствует скорее его антибуржуазных, чем националистических взглядов. Эти свои убеждения и ненависть к буржуазии всех мастей он выражает настолько безыскусственно и незавуалированно, что диву даешься: «Почему так плохо на душе, хотел бы я знать. И сам же отвечу сквозь зубы: *да потому, что она есть, она жива. И вы, гниды из черных «мерседесов», не дождетесь, чтобы я вывернул ее перед вами наизнанку, как старую кошелку, чтобы вы толкнули меня потом под зад коленом в гущу той человекомассы, во что вы обратили род людской».*

3

«Ты знаешь, Саша Суворов умер!» — сказала мне как-то одна однокурсница. — Нашли мертвым возле туалета на третьем этаже общаги».

Саша не умер, а просто потерял сознание, выйдя в туалет из комнаты ночью. И здесь я подступаю к самой сложной и довольно щепетильной теме. Было бы, наверно, проще всего поставить ему окончательный диагноз, списав все на хронический алкоголизм. Буржуазное общество, замешанное на нищесте, очень быстро ставит на таком человеке штамп: «Untermensch». Да что там Саша! Суворов — человек совершенно уникальный, штучный. Штамп «Untermensch» новые «хозяева жизни», а точнее, мнящие себя таковыми, готовы поставить на ком угодно. Точнее, на любом человеке, который хоть как-то не соответствует их стандартам.

Я вновь возвращаюсь к теме раздвоенности, но уже не двойного стандарта, а «двойной жизни». Нам всем приходится ею жить. Признаюсь честно — я не знаю в настоящее время писателя, который бы писал то, что ему хочется и при этом получал бы за свой труд деньги, на которые можно существовать. Допускаю, что такие писатели существуют в нескольких экземплярах, но я с ними не знаком. Типичный пример для выпускника Литинститута — днем я работаю в редакции, пишу то, что мне велят или редактирую чужие рукописи, решаю вопрос об их возможной публикации и т.д., а вечером, когда соседи пьют водку или смотрят телевизор, пишу уже что-то свое, «для себя». Причем там, на работе, какой бы она ни была (не обязательно редакция, пусть это будет коммерческий банк, неважно!), я такой же, как мои сослуживцы, и не дай Бог, если я покажусь им каким-то не таким как они, каким-то странным, не от мира сего. Это будет полный крах моей служебной карьеры, и я панически боюсь этого! А вот Саша не боялся. Он оставался поэтом всегда и везде — и в редакции, и в комнате на Комсомольском проспекте, где частенько ночевал, и в подъезде, и возле теплотрасс. И почти везде чувствовал равнодушие и холод окружающих: «*Есть кто живой под этим ледяным палящим солнцем? Никто не отзовется, хоть охрипни тут. Люди катятся по улицам, как камни. Обернись и плюнь мне вслед, прохожий, я для тебя никто*».

Хотя, что греха таить, попытки социализироваться у него были. Всегда находились доброхоты (мир не без добрых людей!), особенно немолодые сердобольные женщины, какими всегда славилась Россия. Они оказывали Саше прежде всего бытовую, а подчас и материальную помощь. Однажды (а это было уже после окончания нами института) я встретил его в редакции журнала «Наш современник». Оказалось, что он работает штатным сотрудником в отделе прозы. Он был очень рад моему появлению в редакции — настолько рад, что меня это даже удивило, поскольку мы с ним никогда не были дружны, хотя и общались изредка в годы учебы. Это был один из светлых периодов его жизни. И одет он был тогда в красивый серый свитер, и специфический бомжовский запах от него я тогда не ощущал. К сожалению, этот период был недолгим. Все остальные встречи происходили исключительно в редакции журнала «Москва», в отделе поэзии и прозы, где долгое время работала Елена Михайловна Устинова, относившаяся к Саше с особым вниманием и пиететом. Как человек незаурядный и тонко чувствующий, она увидела в Суворове талантливого поэта и нестандартного мыслителя. Не секрет, что Саша закончил аспирантуру при Литинституте и занимался творчеством Достоевского. Только вот кандидатскую диссертацию, как я понимаю, так и не защитил — не хватило той самой социабельности, о которой я уже писал выше. Похоже, что Саша часто навещался в редакцию и сидел там подолгу. Не без помощи Елены Михайловны он получил и премию журнала «Москва» (безусловно, по заслугам!), и издал свою единственную поэтическую книжку. Если не ошибаюсь, то она и сейчас продается в книжной лавке журнала. Интересно, что как раз в середине июля прошлого года, когда Саша действительно уже умер (а я еще не знал об этом) мне попалась на глаза его книжка именно в книжной лавке журнала, на Арбате, на первом этаже...

*Я сильным был, но ветер был сильнее.
Он с моря дул. Тонули корабли,
А я гулял приморскою аллеей
И видел, как подснежники цвели.
И этот цвет мучительный, из снега,
Из скованной пока еще земли,
Благословенной и сладчайшей негой
Теплел во мне. Пусть тонут корабли!
Пусть тонут корабли с их мертвым грузом
Гробов повапленных и пошлых остряков,
Со мной грядет моя шальная муза,
И ветер носит песни моряков.*

Ветер был действительно сильнее. Сильнее, несговорчивей и злей. Противиться этому ветру было сложно. Как всякий истинный поэт (а Саша был поэтом в чистом виде), Суворов обладал даром пророка, и чувствовал что его ждет. Так, от лица своего лирического героя он говорит и о своей судьбе: *«Наверно, я тоже кончу чем-то плохим, просто думать об этом не хочется. Ну да пусть, все равно, коли так у меня на роду написано. Я уже не поднимусь, меня списали со счета».*

Наша последняя встреча состоялась тоже в редакции «Москвы». Года три назад. Он настолько изменился за это время, что я даже не сразу узнал его. Руки тряслись, лицо стало одутловатым. Было такое ощущение, что даже ростом он стал ниже. Речь зашла об основной проблеме Сашиного быта — отсутствии жилья. Я тогда высказал давнишнюю свою мысль о том, что не понимаю писателей, которые хотят жить исключительно в Москве. Я сам очень люблю Москву, у меня есть любимые места в этом городе, которые я ежегодно посещаю. Но я убежден, что в настоящее время, при наличии интернета и электронной почты, писателю совершенно все равно, где жить. Конечно, бытовая жизнь в пределах МКАДа намного комфортнее, чем в других местах России (а в пределах Садового кольца тем более!), но ради этого пожизненно арендовать квартиру в каком-нибудь Бутове или Медведкове и четыре часа в день тратить на дорогу до места работы и назад кажется мне безумием. Уж лучше уделить эти четыре часа чтению хороших книг! Или, на худой конец, собственному творчеству.

— А что делать, если иначе, чем в Москве, не получается? — произнесла в ответ на мои слова Елена Устинова и как-то загадочно переглянулась с Сашей — дескать, не понимает он нас.

Я действительно многого не понимаю в жизни, хотя хочу и пытаюсь понять. Мы вместе с Сашей спустились по крутой деревянной лестнице на Арбат, и он попросил меня довести его до Комсомольского проспекта, где он жил в одном из помещений Союза писателей. Машина была припаркована в одном из арбатских переулков, и мы довольно долго (типичная московская ситуация!) шли до нее. Вспоминали общих знакомых, делились соображениями о литературной ситуации в стране.

Я высадил его у метро «Парк культуры». Выходя из машины, Саша криво и как-то виновато улыбнулся и хриплым, каким-то утробным, стесняющимся голосом попросил у меня сто рублей «в долг». Я сразу понял, что речь идет не о долге, а о спонсорской помощи. Сам не знаю, почему я не дал ему больше. Надеюсь, что читатель этих строк поверит мне, что не из скаредности. Может, потому, что мне казалось, что более значительную сумму Саше выклянчивать тяжелее? Не знаю. Пусть в этом разбираются Зигмунд Фрейд с Альфредом Адлером, но все было именно так.

Саша вышел из машины и нетвердой походкой больного человека направился в сторону Комсомольского проспекта, чтобы остаться в моей памяти навсегда.

Кто мы в этом мироздании? Почему и зачем мы родились? Что значат встречи людей и как они определяют нашу жизнь? Случайны они или закономерны? Мне почему-то кажется, что мои общения с Александром Суворовым не были случайными. Он что-то изменил во мне, заставил меня подумать о чем-то новом, необычном. Он был в числе тех людей, которые пошатнули мою веру в незыблемость здравого смысла, показали убожество и ущерб формальной логики.

А для чего вообще нужен поэт, если не для того, чтоб привлечь внимание современника и потомка к Высшему, Горнему Миру?

*Взвесь, поэт полночный,
Строки на весах —
Голубь непорочный
Замер на часах.
Оттого так чисто,
Так свежо вокруг,
Что нечистой мысли
Не помыслишь, друг.*